

Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Эстии и Аттила: о контактах населения самбийско-натангийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время

М. М. Казанский¹

Аннотация. В статье рассматриваются археологические свидетельства контактов между населением самбийско-натангийской культуры (Aestii письменных источников), занимавшей территорию современной Калининградской области со среднедунайским регионом в гуннское и постгуннское время (V — середина VI в.). Дунайские вещи эпохи переселения народов на территории самбийско-натангийской культуры единичны. В то же время дунайские вещи в V–VI вв. лучше представлены у южных, западных и восточных соседей населения самбийско-натангийской культуры. Создается впечатление, что эстии были «изолированы» своими соседями, и контакты Балтийского региона со Средним Подунавьем проходили восточнее и западнее, по Неману и Висле, существенно не захватывая зону самбийско-натангийской культуры.

Annotation. This paper considers the archaeological evidence of the contacts between the population of the Sambia-Natangia culture (Aestii of the written sources) which occupied the area of the modern Kaliningrad Oblast, with the Middle-Danubian region in the Hun and post-Hun time (5th — mid-6th century). Danubian objects of the Great Migration period found in the territory of Sambia-Natangia culture are rare. Moreover, Danubian objects of the 5th–6th century are better represented among the southern, western and eastern neighbours of the people of the Sambia-Natangia culture. It seems that Aestii were ‘isolated’ by their neighbours while the contacts of the Baltic region with the Middle Danube area took place rather to the east and west via the Neman and Vistula and were not touching essentially the zone of the Sambia-Natangia culture.

Ключевые слова: Aestii, самбийско-натангийская культура, Великое переселение народов, Дунай, контакты.

Keywords: Aestii, Sambia-Natangia culture, Great Migration, Danube, contacts.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-131-152

Немногочисленные, но яркие находки, такие, например, как клад Хаммерсдорф—Млотечно (Hammersdorf—Młoteczno) (Ciésliński, 2010. S. 162–167; Mączyńska, 2013) или погребения

Юшково (Juszkowo) (Dyrda et al., 2014; Kontny, Mączyńska, 2015) и Таурапилас (Taurapilas) (Tautavičius, 1981), являются археологическим подтверждением контактов населения Юго-Восточной Прибалтики с регионом Среднего Подунавья в гуннское и постгуннское время². Из сообщений древних авторов

¹ (Michel Kazanski), Dr. hab., Directeur de recherche de 2e classe; Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 “Orient et Méditerranée”, 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France; E-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

² Здесь под гуннским временем имеется в виду период D хронологии европейского Барбарикума, где

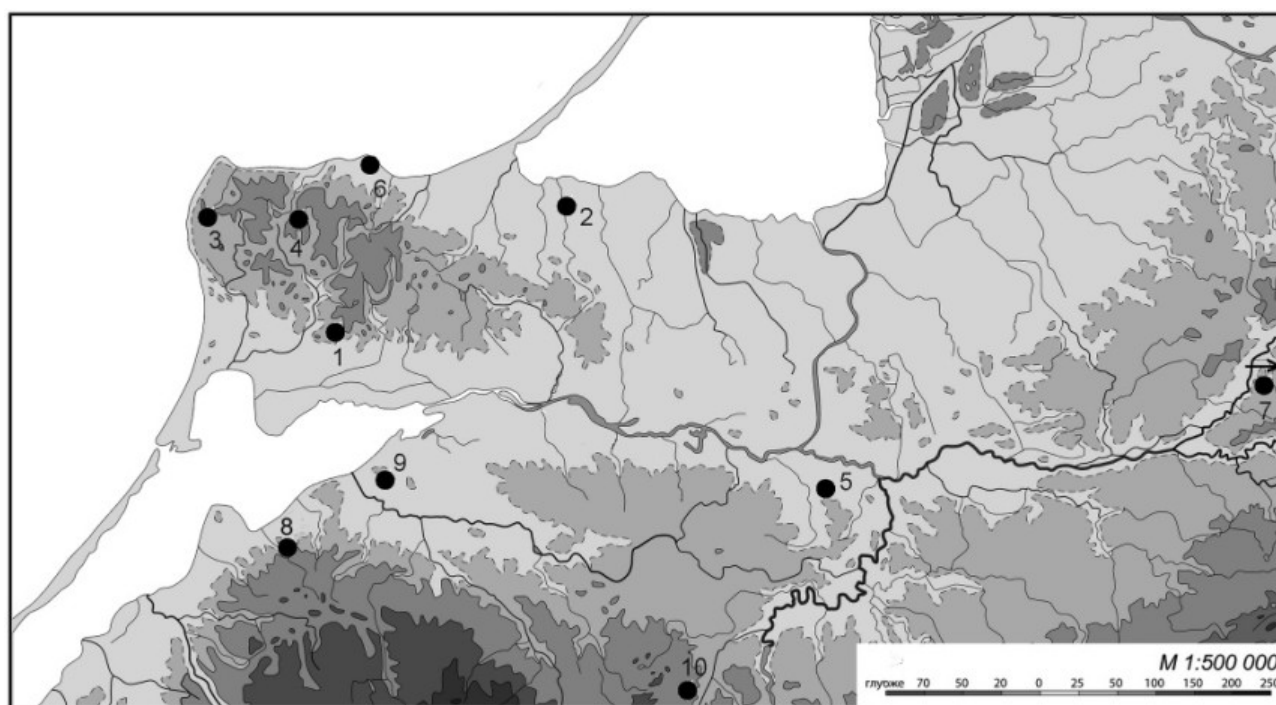

Рис. 1. Находки вещей дунайской традиции гуннского и постгуннского времени: 1 — Варенген (Warengen) / Котельниково; 2 — Новоселово; 3 — Окунёво; 4 — Краам (Craam) / Грачевка; 5 — Зохпен (Zohpen) / Суворово; 6 — Доброе — Гора Великанов; 7 — Кюссен (Kussen) / Весново; 8 — Варникам (Warnikam) / Первомайское; 9 — Ушаково; 10 — Ликейм (Liekeim) / Наликаймы (Nalikaljmy)

Fig. 1. Finds in the Danubian tradition of the Hun and post-Hun period: 1 — Warengen / Kotelnikovo; 2 — Novoselovo; 3 — Okunevo; 4 — Craam / Grachevka; 5 — Zohpen / Suvorovo; 6 — Dobroye — Gora Velikanov; 7 — Kussen / Vesnovo; 8 — Warnikam / Pervomayskoye; 9 — Ushakovo; 10 — Liekeim / Nalikaljmy

необходимо упомянуть свидетельство Приска Панийского о том, что Аттиле, с которым Приск познакомился лично, принадлежат некие острова в Океане, последний в античной традиции включал в себя и Балтийское море (Приск Панийский, Готская история, 8, цит. по: Латышев, 1890. С. 830). Если это не литературное преувеличение, то перед нами свидетельство каких-то политических контактов между гуннской «империей» и балтийским регионом. Наша задача здесь — выявить реальные археологические свидетельства

выделяются фазы D1 (360/370–400/410 гг.), D2 (380/400–440/450 гг.) и D2/3 (430–460 гг.). Постгуннское время соответствует периодам D3 (450–470/480 гг.) и E/MD3 (470/480–510 гг.) (Tejral, 2005. Tab. 3; 2011. Abb. 1). В хронологии западнобалтских древностей гуннское время приблизительно соответствует периодам D1, D2 и D3, а постгуннское время — периодам E1 и E2a (подробнее Hilberg, 2009. S. 83–86).

контактов между населением самбийско-нотангской культуры (культура Доллякайм-Коврово по терминологии польских и немецких археологов) со среднедунайским регионом в интересующую нас эпоху. Эта культура занимала территорию современной Калининградской области РФ и некоторые пограничные территории нынешней Польши. В письменных источниках I–IX вв. (Тацит, Кассиодор, Иордан, «Орозий короля Альфреда», Эйнхард) на этих землях к востоку от Вислы локализуются эстии (Aestii), практически всеми историками соотносимые с балтами (подробнее см. Казанский и др., 2018. С. 38, 39).

Сразу же отметим, что импортов из Юго-Восточной Прибалтики на Среднем Дунае в гуннское и постгуннское время нет вообще, а дунайские вещи на территории самбийско-нотангской культуры единичны (рис. 1). Рассмотрим эти вещи.

Фибулы типа Слижаны. Речь идет о единичной находке из могильника Варенген (Warengen) / Котельниково (Зеленоградский район Калининградской области), погребения № 39 (рис. 2, 5). Помимо фибулы данное захоронение содержало два копья, два ножа (Heydeck, 1909. S. 236, abb. 162). Это арбалетные фибулы с расширенной ножкой, заостренной на конце, вертикальной пластиной — держателем иглы — и коротким литым приемником. Кроме находки в Самбии одна такая фибула известна в Чехии, в районе Моравских ворот, ведущих со Среднего Дуная в бассейны Одера и Вислы. Это ингумация в Слижанах (Sližany) (рис. 2, 4). Еще одна фибула найдена на Средней Эльбе, в могильнике Гюбс (Gübs), погребение № 3 (рис. 2, 3), с керамикой нимбергской группы, то есть V в., одна, видимо «вторично» использования, — на Верхнем Дунае, в погребении № 312 могильника Киршхайм (Kirchheim) (рис. 2, 2), со штампованной фибулой меровингского времени, и одна — в Бургони, в Восточной Франции, на могильнике Брошон (Brochon) (рис. 2, 1), конкретный контекст последней находки неизвестен, но в целом могильник содержит вещи, в том числе дунайского происхождения, датированные второй половиной V — первой половиной VI в. (Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 624, 625, 714; о могильнике Брошон см. Vallet et al., 1995. P. 112–121).

Фибулы-цикады. На территории самбийско-натангийской культуры представлены два типа фибул-цикад. К первому типу относится находка из Новоселово (Зеленоградский район Калининградской области), отличающаяся гранеными крыльями (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 1) (рис. 3, 1).

На соседних территориях такие фибулы известны в Мазурском Проозерье, занятом тогда балтским населением богачевской культуры и сменяющей ее ольштынской группы (Rotebude / Cerwony Dwór, Widrinnen / Kętrzyn, Łężany: Hilberg, 2009. Abb. 10, 39б; Maćzyńska, 2009. Рис. 1, a–c; Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 3, 2, 5; 4, 2, 3, 7, 8), а также в Литве (Sauginiai: Maćzyńska, 2009. Рис. 1, d; Rudnicki, Skvortsov, 2018. S. 387). В целом

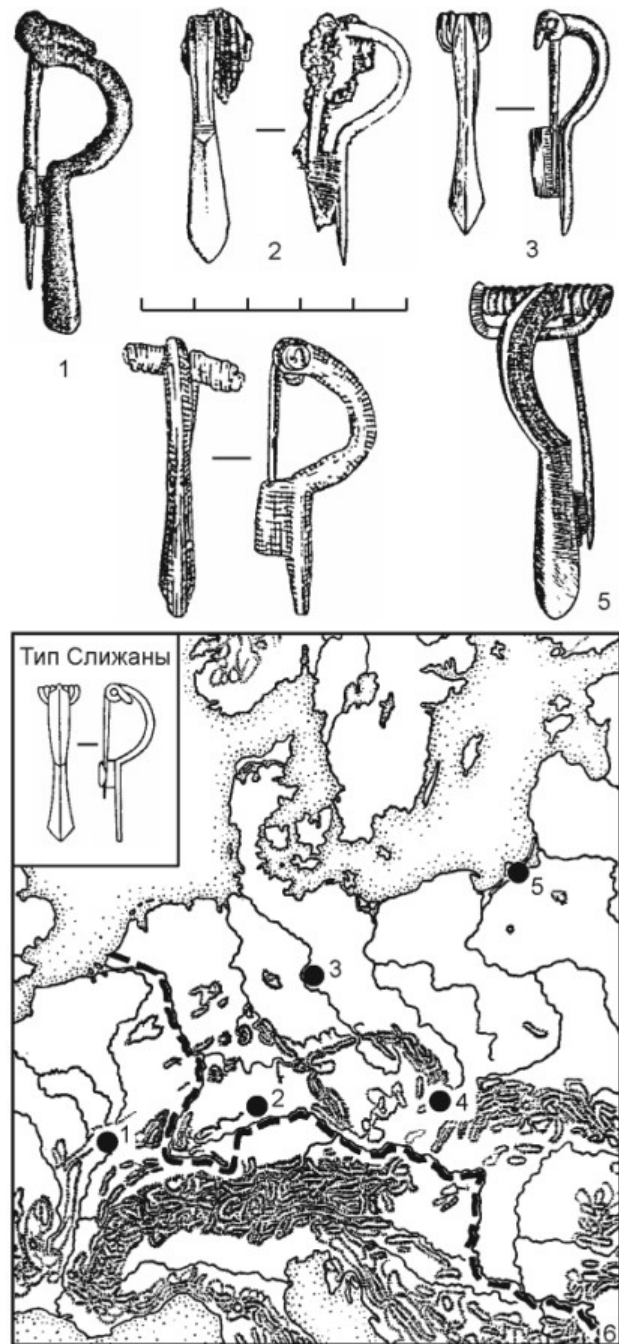

Рис. 2. Фибулы типа Слижаны (Sližany) (Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 24, 35): 1 — Брошон (Brochon); 2 — Киршхайм (Kirchheim); 3 — Гюбс (Gübs), погребение № 3; 4 — Слижаны (Sližany); 5 — Варенген (Warengen) / Котельниково, погребение № 39. 1 — железо; 2–5 — бронза. Номера на карте соответствуют номерам рисунка

Fig. 2. Brooches of the Sližany type (Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 24, 35): 1 — Brochon; 2 — Kirchheim; 3 — Gübs, burial no. 3; 4 — Sližany; 5 — Warengen / Kotel'nikovo, burial no. 39. 1 — iron; 2–5 — bronze. Numbers in the map correspond to those in the drawing

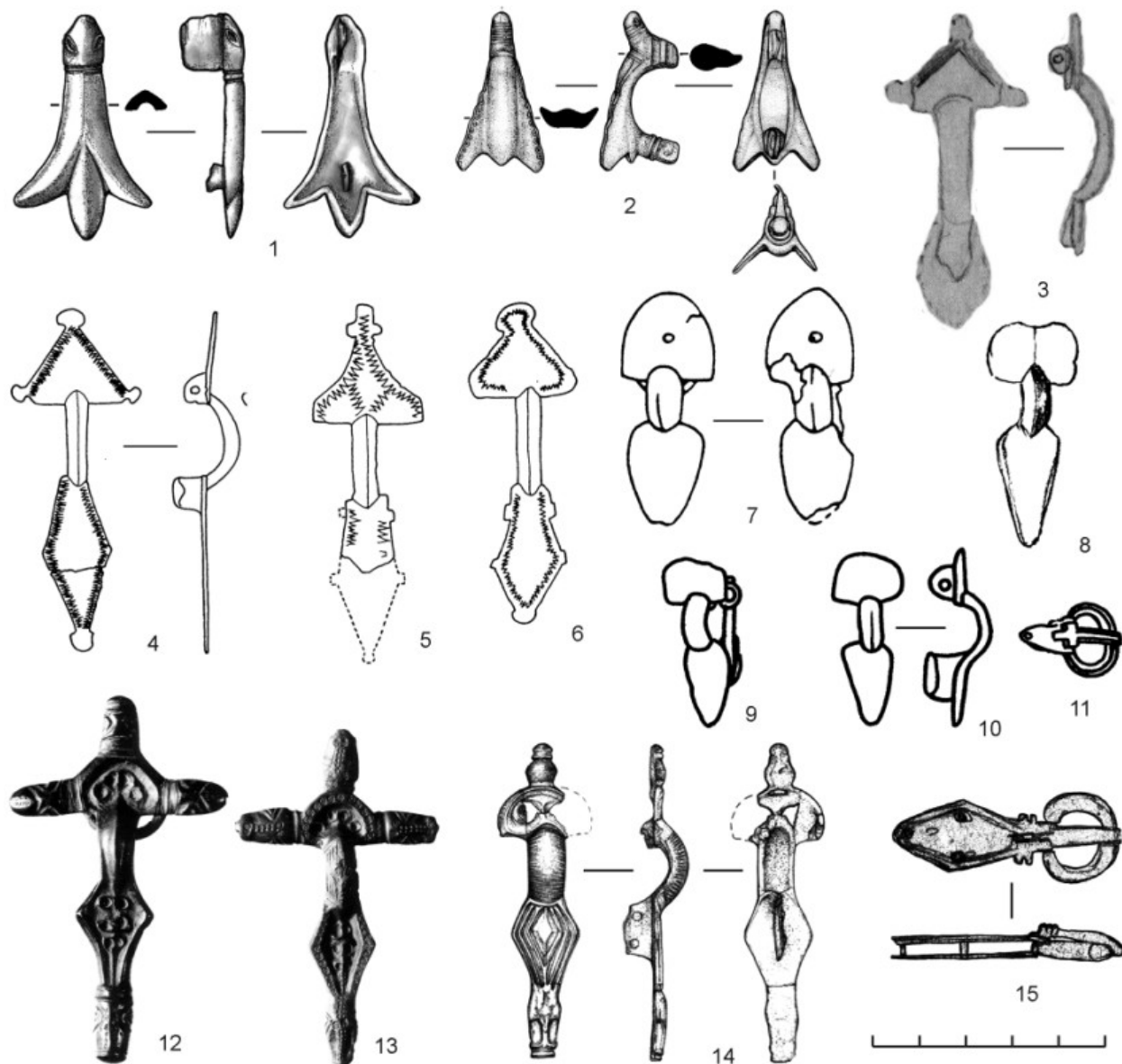

Рис. 3. Фибулы и пряжка дунайской традиции, их некоторые параллели (4–6 — Bierbrauer, 1989. Abb. 1, 1, 2, 3, 4) и сопровождающие вещи (10): 1 — Новосёлово (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 1); 2 — Окунёво (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 3, 7); 3 — Краам (Craam) / Грачёвка (Nowakiewicz, 2011. Кат. № 30, fig. Craam 001); 4 — Братей (Bratei); 5 — Роман (Roman); 6 — Argamum; 7 — Доброе — Гора Великанов (Hilberg, 2009. Taf. 32, 286); 8 — Зохпен (Zohpen) / Суворово, погребение № 10 (Hilberg, 2009. Taf. 37, 330); 9 — Зохпен (Zohpen) / Суворово, погребение № 179; 10 — Зохпен (Zohpen) / Суворово, погребение № 192 (9–10 — Кулаков, 1990. Табл. XII, 3, 15); 11, 14 — Ушаково (Rudnicki, Skvortsov, 2017. Рис. 2, 3); 12 — Кюссен (Kussen) / Весново (Hilberg, 2009. Taf. 20, 175); 13 — Варенген (Warengen) / Котельниково, погребение № 18 (Hilberg, 2009. Taf. 35, 317); 15 — Ликейм (Liekeim) / Наликаймы (Nalikaјmy) (Новаковский, 2013. Рис. 2, 2). 1–15 — бронза

Fig. 3. Brooches and a buckle in the Danubian tradition, some of their parallels (4–6 — Bierbrauer, 1989. Abb. 1, 1, 2, 3, 4) and accompanying objects (10): 1 — Novoselovo (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 1); 2 — Okunevo (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 3, 7); 3 — Craam / Grachevka (Nowakiewicz, 2011. Кат. № 30, fig. Craam 001); 4 — Bratei; 5 — Roman; 6 — Argamum; 7 — Dobroye — Gora Velikanov (Hilberg, 2009. Taf. 32, 286); 8 — Zohpen / Suvorovo, burial no. 10 (Hilberg, 2009. Taf. 37, 330); 9 — Zohpen / Suvorovo, burial no. 179; 10 — Zohpen / Suvorovo, burial no. 192 (9–10 — Кулаков, 1990. Табл. XII, 3, 15); 11, 14 — Ushakovo (Rudnicki, Skvortsov, 2017. Рис. 2, 3); 12 — Kussen / Vesново (Hilberg, 2009. Taf. 20, 175); 13 — Warengen) / Kotelnikovo, burial no. 18 (Hilberg, 2009. Taf. 35, 317); 15 — Liekeim / Nalikaјmy (Новаковский, 2013. Рис. 2, 2). 1–15 — bronze

фибулы-цикады с гранеными крыльями широко распространены на территории от Верхнего Дона до Дуная. Их особая концентрация отмечена на Среднем Дунае и в Крыму (*Beljavec*, 2018. Рис. 1). В Юго-Восточную Прибалтику такие фибулы могли попасть, скорее всего, со Среднего Дуная (*Mączyńska*, 2009. S. 398). Датировка данного вида фибул-цикад определяется по следующим опорным находкам: Керчь, погребение № 181, 1902 г., с инвентарем гуннского времени, точнее периодов D1 и D2 (*Beljavec*, 2018. Рис. 2B); клад Бушберг-Штайнмандл (*Bushberg-Steinmandl*), в Верхней Австрии, с типичным набором вещей периода D2/D3, в частности с элементами декора больших двупластинчатых фибул так называемого горизонта Смолин-Косино (*Szameit*, 1997. S. 240, taf. 5, 4) (рис. 4, 4, 8), Херсонес, погребение № 14, 1914 г., с пряжкой остроготского типа Любляна-Дравле (*Ljubljana-Dravljje*) (о них см. *Bierbrauer*, 1975. S. 130–133) и пальчатой фибулой типа Гурзуф (о них см. далее) со средиземноморской пряжкой с рифленным декором (*Айбабин*, 1979. Рис. 3, 2; 5, 6, 9; *Kazanski*, 1994a. Fig. 19, 1–4); Карши-Баир, погребение № 1 склепа № 3, со средиземноморской пряжкой с рифленным декором (*Ушаков*, 2010. Рис. 80, 1–3). Все названные пряжки и фибулы из Херсонеса и Карши-Баира надежно датируются постгуннским временем, в пределах второй половины V — первой половины VI в.

Второй тип фибул-цикад представлен находкой в Окунёво (Зеленоградский район Калининградской области) (*Rudnicki, Skvortsov*, 2018. Рис. 3, 7) (рис. 3, 2). Она по общей морфологии напоминает фибулу из Синкущина, в бассейне Верхнего Немана (*Beljavec*, 2018. Рис. 1, 2), а также фибулы из Мальборка-Вельбарка (*Malbork-Wielbark*), на правом берегу Нижней Вислы (*Beljavec*, 2018. Рис. 3, 11), из Южной России (*Kühn*, 1935. № 49), из Гросс-Мутшина (*Gross-Mutschin*) на территории Австрии (*Mitscha-Märheim*, 1971. Abb. 18). К сожалению, ни одна из них не может быть надежно датирована, но по общей морфологии данные фибулы похожи на застёжки с гранеными крыльями, о которых

уже шла речь, и, скорее всего, имеют те же происхождение и датировку.

Фибулы группы Братей-Вышков. Треугольная головка фибулы, найденная в Краам (Craam) / Грачёвке (Зеленоградский район Калининградской области) (рис. 3, 3), скорее всего, принадлежит дунайской фибуле типа Братей (*Bratei*) (*Bierbrauer*, 1989. S. 141–149). Насколько можно судить по схематическому рисунку из архива Ф. Якобсона, сохранилась также дужка с остатками пластинчатой ножки, а головка украшена гравированным (?) линейным декором (*Nowakiewicz*, 2011. Kat. № 30, Fig. Craam 001). Среди пальчатых двупластинчатых фибул, найденных на территории бывшей Восточной Пруссии, треугольную головку имеют также застёжки типа Брейтенфурт, но у тех пальцы длиннее, а дужка короче. Кроме того, они не имеют декора на головке, в отличие от фибул типа Братей (см., например, *Гавритухин, Казанский*, 2018. Рис. 3, 1, 2, 7, 11; 5, 1; 6, 3, 4; 7, 1, 2). На территории Восточной Пруссии, но южнее, вне зоны самбийско-натангийской культуры, дериваты фибулы типа Братей известны в Мазурском Поозерье (*Mingfen / Miętkie: Hilberg*, 2009. Taf. 23, 198).

Фибулы типа Братей, принадлежащие восточногерманской традиции, недавно стали объектом специального исследования (*Гавритухин, Казанский*, 2018. С. 333–345), где их «классическая» форма фигурирует как тип Братей-Бригецио (например, рис. 3, 4). Зона распространения этих фибул очень широка — от бассейна Роны на западе до Верхнего Дона на востоке, одако более всего их найдено на Среднем и Нижнем Дунае (*Bierbrauer*, 2008. Abb. 16; *Гавритухин, Казанский*, 2018. Рис. 9 и приложение). Согласно Я. Тейралу эти фибулы типичны для периода D2/D3 (*Tejral*, 2005. S. 117, 120, Abb. 2, 6–9; *Tejral*, 2015. S. 304–307), причем они появляются уже на начальной стадии данного периода (*Tejral*, 2007. S. 78). Опорной находкой для датировки является уже упоминавшийся клад из Бушберга-Штайнмандла (*Szameit*, 1997. S. 240, taf. 5, 1–3) (рис. 4, 1–3).

Близки к фибулам типа Братей и застёжки типа Вышков (*Vyškov*) (*Bierbrauer*, 1989.

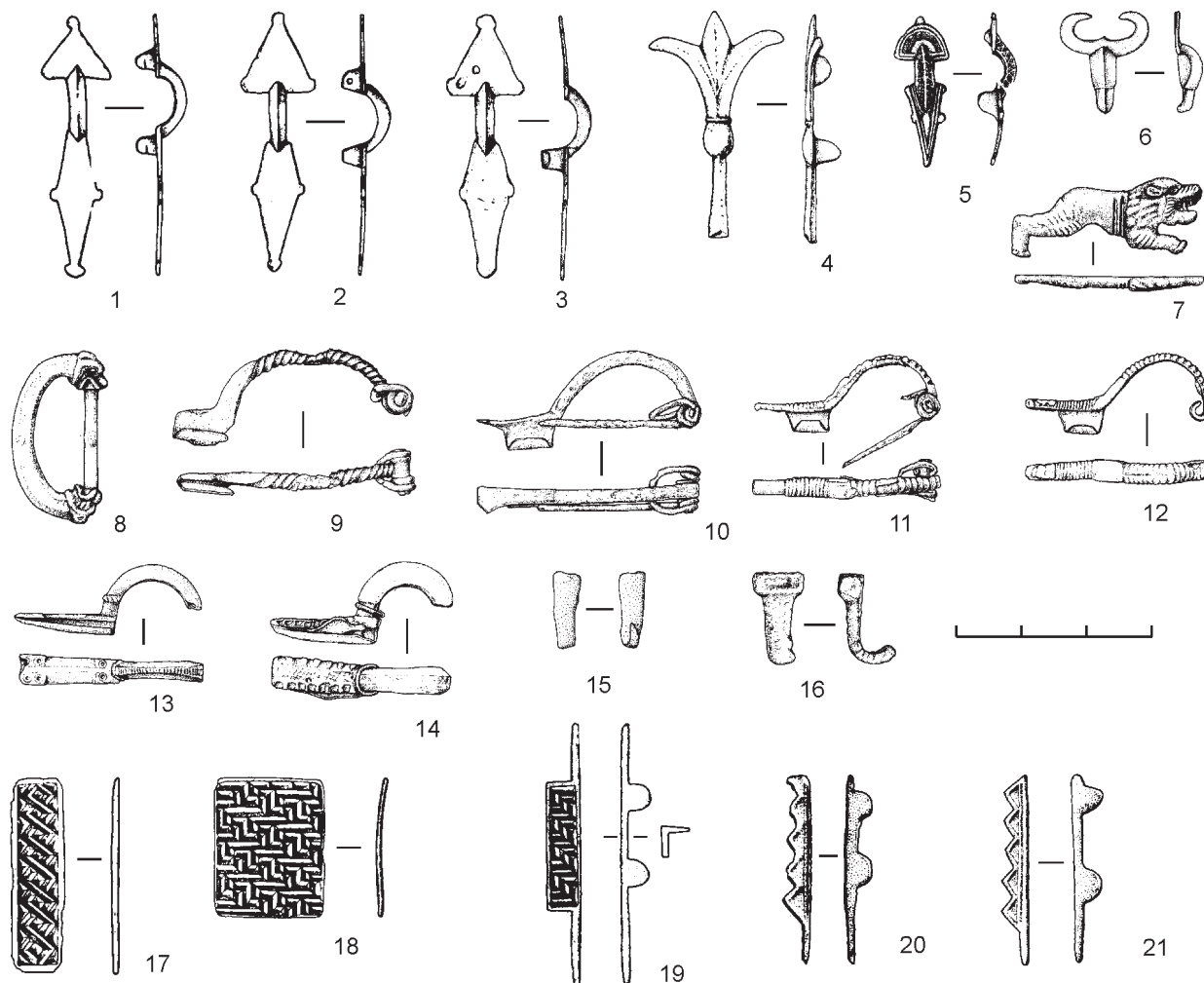

Рис. 4. Часть предметов изклада ремесленника в Бушберг-Штайнмандл (Bushberg-Steinmandl) (Szameit, 1997. Taf. 5). Бронза, низкопробное серебро

Fig. 4. Some objects from the hoard of a craftsman in Bushberg-Steinmandl (Szameit, 1997. Taf. 5). Bronze, low-grade silver

S. 149–152) (например, рис. 3, 5, 6), отличающиеся по форме ножки (пять выступов на углах, а не три, как у типа Братей) и головки, по очертанию напоминающей «жандармскую треуголку» (рис. 3, 5), если использовать терминологию французских палеолитчиков. Впрочем, у некоторых фибул типа Вышков головка ближе к треугольной (рис. 3, 6), как и у застежек типа Братей (см., например, Bierbrauer, 1989. Abb. 2, 4), поэтому нельзя исключать родство фибулы из Краам (Craam) / Грачёвки и с фибулами типа Вышков. Последние распространены на Среднем Дунае и в Северном Причерноморье (Bierbrauer, 2008. Abb. 16; Dobos, Lăzărescu, 2008. Pl. III). Они известны

на Дунае в контексте первой половины V в. (Bierbrauer, 1989. S. 149, 150) (например, рис. 3, 5) и продолжают существовать и позднее. Об этом свидетельствует находка в погребении в римской крепости Argamum, на Нижнем Дунае (Mănușci Adameșteanu, 1980. Fig. 3, 4), где фибула типа Вышков (рис. 3, 6) сопровождалась пальчатой фибулой, скорее всего дериватом типа Гурзуф, то есть времени не ранее середины — второй половины V в. (о них см. далее).

Малые двупластинчатые фибулы группы Амброз II. К дунайской традиции относятся и небольшие, длиной 4–5 см, двупластинчатые фибулы с полукруглой головкой,

сравнительно короткой дужкой и подтреугольно-ромбической ножкой, расширенной близ дужки. Они найдены в могильнике Зохпен (Zohpen) / Суворово (Гвардейский район Калининградской области), в погребениях № 10, 179, 192 (Кулаков, 1990. С. 64, 66, табл. XII, 15; Hilberg, 2009. S. 509, 510, taf. 37, 330, 336, 338) и в могильнике Доброе-Хюненберг (Hünneberg) / Гора Великанов (бывш. Rantau) (Зеленоградский район Калининградской области), погребение № 28 (Hilberg, 2009. S. 478, taf. 32, 286; Кулаков, 2014. С. 206, рис. 20, 2) (рис. 3, 7–10).

Эти застежки представляют собой дериваты малых двухпластинчатых фибул группы Амброз II, а иногда к ним присоединяют и малые фибулы группы Амброз I, особенно те, которые имеют вытянутую ножку с расширением в средней части (Амброз, 1966. С. 86–91). В западноевропейской археологии фибулы с расширением ножки близ дужки часто называют типом Виллафонтана (Villafontana) (*Bierbrauer*, 1968; 1991. S. 569–572), А. Коковский их выделил в группу F своей типологии двухпластинчатых фибул (*Kokowski*, 1996. S. 156). Впрочем, фибулы типа Виллафонтана имеют скорее неправильно-ромбическую форму ножки, с наибольшим расширением в верхней части.

Малые фибулы группы Амброз II распространены очень широко, от Кавказа (*Мастыкова*, 2009. С. 49; поздние дериваты: Амброз, 1989. Рис. 27, 1, 2) и Южного Урала (*Мажитов*, 1968. Табл. 8, 13; поздние дериваты: Амброз, 1989. Рис. 28, 1, 7, 12, 20, 21) до Пиренеев (*Koenig*, 1980. S. 231, 232, taf. 60, c). Эти фибулы очень хорошо представлены на среднем Дунае (например, Ártánd, Novi-Banovce, Čana, Košice, Csongrád-Kenderföldek, Csongrád-Werbözigasse, Kövágószöllös, Csongrád-Kaserne) и в Северном Причерноморье (Херсонес, Керчь, Инкерман, Гурзуф и пр.) (*Bierbrauer*, 1968. Fig. 7; *Kazanski*, 1984. Annexe II, № 10–12, 19, 20; *Tejral*, 2011. Abb. 229, 6, 7; 230, 5; 231; 232, 1, 10)³.

³ Показательно, что на Среднем Дунае концентрируются большие фибулы гуннского времени, группы Амброз II (Амброз, 1966. С. 88, рис. 7, 1). Возможно, малые фибулы являются их дешевой копией.

Фибулы группы Амброз II — Виллафонтана имеют очень широкую хронологию. Показательна находка в эльзасском погребении Хохфельден (Hochfelden) (последняя публикация: *Kazanski, Mastykova*, 2018), где малые фибулы входили в состав «княжеского» костюма горизонта Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) периода D2. Стоит отметить и находку в погребении Чонград-Вербоцигасе (Csongrád-Werbözigasse), где фибула типа Виллафонтана соседствовала с большой двухпластинчатой фибулой гуннского времени (*Tejral*, 2011. Abb. 234). Вполне возможно, что фибулы группы Амброз II — Виллафонтана появляются и раньше, уже в период D1, но пока надежных доказательств этому нет⁴.

В могильнике Суворово, в погребении № 192 малая двухпластинчатая фибула сопровождалась пряжкой с крестообразным язычком (Кулаков, 1990. Табл. XII, 15), типа Митино II.3 по типологии К. Н. Скворцова (рис. 3, 10). Пряжки с крестообразным язычком хорошо известны для самбийско-натангийской культуры, а также для эльблонгской и ольштынской групп и для культуры восточнолитовских курганов. Время наибольшего распространения пряжек с крестообразным язычком соответствует периоду E2 западнобалтской хронологии (от 450 по 610/625 гг.) (*Скворцов*, 2010. С. 75–76). Фибулы из погребения № 28 могильника Доброе — Гора Великанов по составу сопутствующих находок надежно не датируются. Территория самбийско-натангийской культуры — не единственное место, где эти «реликтовые» фибулы встречаются сравнительно поздно, после V в. Дериваты малых двухпластинчатых фибул группы Амброз II имеются и в Юго-Западном Крыму (*Фурасьев*, 2009. С. 193, рис. 1: вариант IIА; 2: 2, 3), где они существуют, по крайней мере,

⁴ Можно отметить, что в Керчи в склепе № 165, 1904 г., погребения № 6 и 10 с малыми фибулами располагались на боковых лежанках, а на полу, закрывая доступ к лежанкам, находилось явно более позднее погребение № 3 с большими фибулами типа Смолин, характерными для периода D2 (D2 см. погребальный инвентарь склепа: *Засецкая*, 1993. № 295, 296, 303, план склепа — *Шкорпил*, 1907. Рис. 19).

до конца VI — начала VII в. (подробнее: *Фурсев*, 2009. С. 194, 223, 224), а также на Южном Урале (*Амброз*, 1989. Рис. 28, 1, 7, 12, 20, 21) и на Северном Кавказе (например, *Амброз*, 1989. Рис. 27, 1, 2).

Фибулы с растительным декором — дериваты типа Сокольнице. В постгуннское время, в период D3, на Среднем Дунае появляется новая группа застёжек — это пальчатые фибулы с полукруглой головкой и ромбической ножкой, несущие рельефный декор. К числу наиболее ранних относятся фибулы типа Сокольнице (*Sokolnice*) с растительным рельефным декором (*Tejral*, 1976. S. 18, 19, taf. 1, 4, 5; *Tejral*, 2005. S. 121, abb. 3, B.4). Отдаленные дериваты фибул типа Сокольнице найдены в Кюссен (*Kussen*) / Весново (Краснознаменский район Калининградской области) (*Hilberg*, 2009. S. 420, taf. 20, 175) и в уже упоминавшемся некрополе Варенген / Котельниково, погребение № 18 (*Heydeck*, 1909. S. 231, abb. 157; *Hilberg*, 2009. S. 501, taf. 35, 317) (рис. 3, 12, 13).

Фибулы типа Гурзуф. Еще одна пальчатая фибула, с рельефным декором в виде ромбов на ножке и с волютами на головке. Происходит из с. Ушаково (Гурьевский район Калининградской области) (*Rudnicki, Skvorcov*, 2017. S. 302, 303, гус. 2, 3) (рис. 3, 14). Авторами публикации она справедливо определена как относящаяся к дунайско-причерноморскому типу Гурзуф (см. *Гавритухин, Казанский*, 2006. С. 311–313, там же библиография), а среди возможных прототипов обоснованно названы среднедунайские застёжки, вроде найденных в Велки-Песек-Секеница (*Velký Pesek-Sikenica*). Возможная дата фибулы определена в рамках середины — второй половины V — начала VI в. (*Rudnicki, Skvorcov*, 2017. S. 305, 306)⁵.

⁵ В то же время нельзя согласиться с предложенным в этой же работе определением фибулы из Окунёва как принадлежащей дунайско-италийскому типу Чонград (*Rudnicki, Skvorcov*, 2017. S. 304, гус. 2, 2). В лучшем случае речь может идти об очень отдаленном деривате, где полностью утеряны основные отличительные признаки фибул типа Чонград.

Пряжка с ромбическим щитком. В Ликейме (*Liekeim*) / Наликаймах (*Nalikaïmy*) (Варминско-Мазурское воеводство, Польша) была обнаружена пряжка с овальной рамкой, длинным хоботковидным язычком и гладким ромбовидным щитком, с двумя выступами у шарнира, соединяющего щиток с рамкой, известная по схематической зарисовке из архива Ф. Якобсона (*Nowakiewicz*, 2011. № 104, fig. 001; *Новаковский*, 2013. С. 115, рис. 2, 2) (рис. 3, 15). Наиболее близкой аналогией является, пожалуй, пряжка из Крыма (*Koenig*, 1980. Abb. 8, a). Пряжка из Ликейма, скорее всего, восходит к позднееримским формам IV в. (см. *Sommer*, 1984. Taf. 1, 9; *Vinski*, 1974. Tabl. 37, 4, 5, 7), некоторые из них имеют и выступы на щитке (*Vinski*, 1974. Tabl. 37, 5, 7). В начале эпохи Великого переселения народов пряжки с гладким ромбическим щитком появляются в дунайском Барбарикуме (например, *Tejral*, 1986. Abb. 9, 17). По мнению В. Новаковского, пряжка принадлежит периоду E по западнобалтской хронологии, то есть времени не ранее 450 г. (*Новаковский*, 2013. С. 115). Впрочем, все известные мне дунайские пряжки постгуннского времени с ромбическим щитком имеют богатый рельефный декор, и, кроме того, у них нет выступов у шарнира, как на пряжке из Восточной Пруссии (см. о постгуннских пряжках этого типа: *Kiss*, 1984; *Гавритухин, Казанский*, 2006. С. 319–322). Поэтому датировка данной пряжки гуннским временем мне представляется не менее вероятной.

Серогончарная столовая посуда. Три серогончарных кувшина гуннского времени, вне всякого сомнения происходящие из карпато-дунайского региона, были обнаружены на могильнике Варникам (*Warnikam*) / Первомайское (Багратионовский район Калининградской области) (*Tischler, Kemke*, 1902. Taf. XXII)⁶ (рис. 5). Вряд ли они относятся к дунайскому типу Мурга (*Murga*), датируемому периодами

⁶ Предположение В. Новаковского (2007. С. 150), что в этих кувшинах перевозили вино, мне кажется слишком экстравагантным. Речь идет всё же скорее о столовой посуде, а не о транспортной таре.

Рис. 5. Серогончарная керамика из некрополя Варникам (Warnikam) / Первомайское (Tischler, Kemke, 1902. Taf. XXII): 1 — из погребения № 61; 2 — из погребения № 31; 3 — из погребения № 30

Fig. 5. Greyware pottery from the necropolis of Warnikam / Pervomayskoye (Tischler, Kemke, 1902. Taf. XXII): 1 — burial no. 61; 2 — burial no. 31; 3 — burial no. 30

D2/D3 (Bitner-Wróblewska, 2001. P. 118), который характеризуется более широким горлом, плавно переходящим в тулово, ребром с наибольшим расширением в нижней части и часто вертикальным декором на горле. На мой взгляд, эти кувшины скорее напоминают несколько более раннюю дунайскую серогончарную керамику периода D2 (Tejral, 2011. S. 240–247, abb. 112, 18; 116, 4; 185, 5; 292, 7).

Итак, на территории самбийско-натангийской культуры немногочисленные дунайские импорты представлены отдельными фибулами и элементами поясной гарнитуры, не образующими устойчивых серий. Это скорее всего свидетельствует о эпизодичности контактов древних эстиев со Среднедунайским регионом. В то же время дунайские вещи в V–VI вв. лучше представлены у южных,

западных и восточных соседей населения самбийско-натангийской культуры.

Так, на юге, в Мазурском Поозерье, на территории богачевской культуры, а затем ольштынской группы, известны дериваты дунайских фибул типа Артанд-Захонь (Artánd- Záhony), характерные для поздней части периода D2 и периода D2/D3, то есть для 420–450-х гг. (Hilberg, 2009. Taf. 16, 123; ср. Tejral, 2007. Abb. 20, 10; Bierbrauer, 2008. S. 126, 127, abb. 17) (рис. 6, 9). Для более позднего времени здесь известны различные пальчатые фибулы и отдельные пряжки дунайского происхождения (Hilberg, 2009. S. 87–177) (рис. 6, 4, 7, 10, 17). Предполагается даже, что в позднем V — середине VI в. в Мазурию переселяются носители дунайских культурных элементов, которые фиксируются в женском уборе памятников ольштынской группы (см. Nowakowski, 2000).

Достаточно ярко дунайские вещи гуннского и постгуннского времени представлены и к западу от зоны самбийско-натангийской культуры, на Эльблонгской возвышенности и в устье Вислы. В первую очередь это уже

упоминавшиеся находки гуннского времени: клад в Хаммерсдорф-Млотечно с дунайскими «княжескими» фибулами полихромного стиля (Ciésliński, 2010. S. 162–167; Mączyńska, 2013; ср. Tejral, 2011. S. 185–189) (рис. 6, 3) и погребение воинского предводителя с мечом и тисненой дунайской пряжкой в Юшково (Juszkowo) (Dyrda et al., 2014; Kontry, Mączyńska, 2015; ср. Tejral, 2011. S. 175–181, abb. 142). Можно утверждать, что «вожде-ская» культура населения вокруг устья Вислы в гуннское время формировалась под прямым дунайским воздействием. В конце гуннского периода и в постгуннское время здесь распространяются дунайские пальчатые фибулы с рельефным декором (рис. 6, 6). Находки золотых солидов конца IV — начала VI в. подчеркивают важное значение устья Вислы в международных контактах (Godłowski, 1980. Karten 4–6; Mączyńska, 2007. Karten 1, 2).

Говоря о межрегиональных контактах и связях Балтики с Дунаем не стоит забывать и о роли Неманского водного пути, о которой свидетельствует находка двупластинчатых фибул гуннского времени типа Ваюга

Рис. 6. Вещи дунайской традиции в Юго-Восточной Прибалтике и прилегающих районах Беларуси: 1 — Калоте (Collaten / Kalotè) (Hilberg, 2009. Taf. 5, 34); 2 — Алекшицы (Белявец, Сідаровіч, 2018. Мал. 18, 1); 3 — Млотечно (Hammersdorf—Młoteczno) (Hilberg, 2009. Abb. 5.58); 4 — Здоррен—Здоры (Sdorren/Zdory) (Hilberg, 2009. Taf. 34, 305); 5, 11 — Плинкайгалис (Plinkaigalis) (5 — Казакавичюс, 1987. Рис. 1, 1; 11 — Madyda—Legutko, 2011. Tabl. XLV, 2); 6 — Келпин (Kelpin) (Hilberg, 2009. Abb. 5.56); 7 — Ласовец—Стервальде (Lasowiec /Sternwalde) (Hilberg, 2009. Taf. 34, 308); 8 — Судота I (Sudota I) (Bliujienė et al., 2017. Fig. 5, 5); 9 — Грюнден — Грады Крукланецке (Grunden / Grądy Krukłaneckie) (Hilberg, 2009. Taf. 16, 123); 10 — Грунейкен—Грунайки (Gruneiken / Grunajki) (Hilberg, 2009. Taf. 16, 119); 12, 16 — Таурапилис (Taurapilas) (12 — Bliujienė et al., 2017. Fig. 3, 8; 16 — Hilberg, 2009. Abb. 5.5); 13 — Вилкитен (Wilkieten) (Hilberg, 2009. Abb. 5.49); 14 — Зиболишке (Ziboliškė) (Bliujienė et al., 2017. Fig. 6); 15 — Падубе—Шалталюне (Paduobė—Šaltaliūnė) (Bliujienė et al., 2017. Fig. 2); 17 — Альт-Коссевен / Косево (Alt-Kosseven / Kosewo) (Hilberg, 2009. Abb. 5.70). 1, 2, 4–17 — серебро, бронзовый сплав; 3 — золото, гранаты

Fig. 6. Objects in the Danubian tradition from the South-Eastern Baltic area and adjoining regions in Belarus: 1 — Collaten / Kalotè (Hilberg, 2009. Taf. 5, 34); 2 — Alekshtisy (Белявец, Сідаровіч, 2018. Мал. 18, 1); 3 — Hammersdorf—Młoteczno (Hilberg, 2009. Abb. 5.58); 4 — Sdorren/Zdory (Hilberg, 2009. Taf. 34, 305); 5, 11 — Plinkaigalis (5 — Казакавичюс, 1987. Рис. 1, 1; 11 — Madyda—Legutko, 2011. Tabl. XLV, 2); 6 — Kelpin (Hilberg, 2009. Abb. 5.56); 7 — Lasowiec / Sternwalde (Hilberg, 2009. Taf. 34, 308); 8 — Sudota I (Bliujienė et al., 2017. Fig. 5, 5); 9 — Grunden / Grądy Krukłaneckie (Hilberg, 2009. Taf. 16, 123); 10 — Gruneiken / Grunajki (Hilberg, 2009. Taf. 16, 119); 12, 16 — Taurapilas (12 — Bliujienė et al., 2017. Fig. 3, 8; 16 — Hilberg, 2009. Abb. 5.5); 13 — Wilkieten (Hilberg, 2009. Abb. 5.49); 14 — Ziboliškė (Bliujienė et al., 2017. Fig. 6); 15 — Paduobė — Šaltaliūnė (Bliujienė et al., 2017. Fig. 2); 17 — Alt-Kosseven / Kosewo (Hilberg, 2009. Abb. 5.70). 1, 2, 4–17 — silver, bronze alloy; 3 — gold, garnets

в денежно-вещевом кладе Алекшицы на Немане (подробнее: *Белявец, Сідаровіч*, 2018) (рис. 6, 2), а также наличие в бассейне Немана гравированных наконечников типа Мадыда-Легутко 13-1 несомненно карпато-дунайского происхождения (*Madyda-Legutko*, 2011. Р. 97–100, мара 24) (рис. 6, 11). Видимо с Немана (или из устья Вислы?) дунайские вещи попадают и на Куршское побережье Балтики, такие как двупластинчатая фибула с гравированным декором (рис. 6, 1) или пряжка с ромбическим щитком (рис. 6, 13). Наконец, видимо также по Неманскому пути среднедунайские вещи постгуннского времени попадают и в Среднюю и Восточную Литву. Это, например, пряжки с прямоугольным или ромбическим щитком с рельефным декором или с язычком с рельефным декором (рис. 6, 12, 14, 15), пальчатые фибулы дунайской традиции (рис. 6, 8), большие двупластинчатые фибулы типа Смолин (рис. 6, 5), мечи в ножнах дунайской традиции (рис. 6, 16). Уже упоминавшееся погребение в Таурапиласе (*Tautavičius*, 1981) (рис. 6, 12, 16) убедительно свидетельствует о влиянии «княжеской» культуры Дуная на восточных балтов.

Создается впечатление, что эстии самбийско-натангийской культуры были «изолированы» своими соседями, и контакты Балтийского региона со Средним Подунавьем проходили в основном восточнее и западнее, по Неману и Висле, не захватывая зону самбийско-натангийской культуры, куда дунайские импорты поступали чаще всего лишь опосредованно. Разумеется, не следует представлять себе эту «изоляция», как жесткую военную блокаду. Вне всякого сомнения, древние эстии могли поддерживать контакты с другими регионами континентальной Европы, о чем свидетельствует, видимо, известное посольство эстиев около 526 г. к итало-остроготскому королю Теодориху⁷. Скорее всего

⁷ Модная ныне идея о том, что письмо Теодориха к эстиям, написанное Кассиодором, в котором идет речь об этом посольстве, является лишь стилистическим упражнением, нуждается в серьезном обосновании и воспринята далеко не всеми исследователями (см. подробнее: *Bliujienė*, 2011. Р. 210–212).

речь идет о том, что в контактах Среднего Дуная с Юго-Восточной Прибалтикой в гуннское и постгуннское время основную роль играло население Мазурского Поозерья, бассейнов Вислы и Немана.

Экскурс. Воинская экипировка гуннского и постгуннского времени на памятниках самбийско-натангийской культуры. Говоря о дунайских влияниях на Юго-Восточную Прибалтику в гуннское и постгуннское время, нельзя не затронуть вопрос о предполагаемом влиянии гуннов и дунайских германцев на военное дело эстиев. Неоднократно выдвигалось предположение, что некоторые виды оружия и поясной гарнитуры заимствованы западными балтами с Дуная и что население самбийско-натангийской культуры оказалось в зоне экспансии гуннов и/или «ветеранов гуннских войн», разбежавшихся кто куда после разгрома гуннов при Недао.

В качестве археологического свидетельства таких влияний подчас называют скрамасаксы, хорошо представленные на интересующих нас памятниках⁸ (рис. 7, 1). Этому виду оружия посвящена фундаментальная работа Я. Прасолова, где учтено более 200 находок, в основном V в. Автор убедительно показал, что вопреки распространенному среди исследователей мнению эти скрамасаксы представляют собой местную форму и не являются инокультурным компонентом, привнесенным извне, и что их использование не связано с конным боем (подробнее *Prassolow*, 2018, там же обширная библиография). Скорее всего их прототипами являются боевые ножи римского времени, известные как в Скандинавии, так и в самбийско-натангийской культуре (*Kazanski, Mastykova*, 2005. Р. 123; *Казанский,*

⁸ Исследователи, занимающиеся древностями самбийско-натангийской культуры, используют неудачный термин «ножи-кинжалы», по сути объединяющий два различных вида клинкового оружия, требующих совершенно различных приемов использования в бою. Мне представляется более правомерным употреблять для однолезвийного оружия с довольно коротким прямым клинком термин «скрамасаксы» для циркумбалтийского региона, уже устоявшийся в русской археологии (см. например, *Лебедев*, 2005. С. 146).

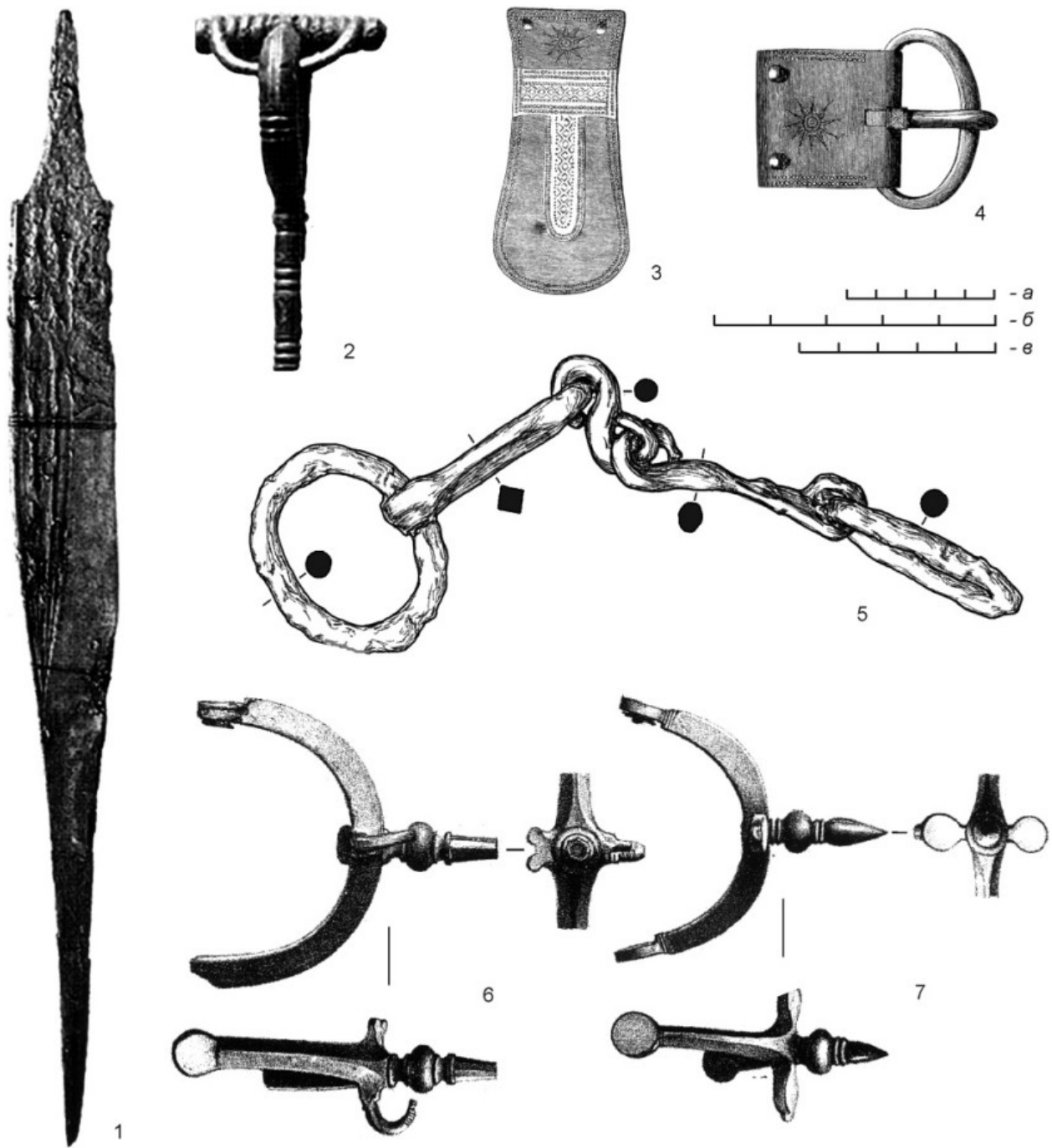

Рис. 7. Предметы вооружения, всаднического и конного снаряжения из некрополей самбийско-натангийской культуры: 1-4 — Доллькайм (Dollkeim)/ Коврово, погребение № 108 (Prassolow, 2018. Taf. 13, A); 5 — Заостровье-1, погребение № 18.3 (Казанский и др., 2018. Рис. 20, 7); 6 — Грейбай (Greibau), погребение № 211; 7 — Варникам (Warnikam) / Первомайское, погребение № 31 (6, 7 — Tischler, Kemke, 1902. Taf. XVII, 2, 3). 1, 5 — железо; 2, 6, 7 — бронза; 3, 4 — бронза или низкопробное серебро. Масштаб: а — для 1, б — для 2-4, в — для 5-7

Fig. 7. Weaponry, rider's and horse equipment from necropoleis of the Sambia-Natangia culture: 1-4 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 108 (Prassolow, 2018. Taf. 13, A); 5 — Zastroye-1, burial no. 18.3 (Казанский и др., 2018. Рис. 20, 7); 6 — Greibau, burial no. 211; 7 — Warnikam / Pervomayskoye, burial no. 31 (6, 7 — Tischler, Kemke, 1902. Taf. XVII, 2, 3). 1, 5 — iron; 2, 6, 7 — bronze; 3, 4 — bronze or low-grade silver. Scale: a — for 1, б — for 2-4, в — for 5-7

Мастыкова, 2013. С. 99). Добавим, что на сегодняшний день в достоверно гуннском контексте в Центральной и Восточной Европе не найдено ни одного скрамасака, что снимает саму возможность гуннского происхождения данного оружия.

Надо добавить, что никаких других видов оружия, которые можно было бы соотнести с гуннским/дунайским югом, в самбийско-натынгийской культуре пока не найдено. Так, например, «степные» трехлопастные стрелы, несомненно связанные по происхождению с кочевническим комплексом боевых средств, известны в Мазурии и Литве (*Кулаков*, 2002. Рис. 1, 3; *Казакявичюс*, 1988. Рис. 25, 20–29), но полностью отсутствуют в Самбии и Натангии.

В целом создается впечатление, что воинская (не обязательно «дружинная», то есть соотносящаяся только с воинской элитой) культура эстиев в гуннское и постгуннское время связана скорее с циркумбалтийским регионом и Северной и Средней Германией. Об этом, помимо скрамасаков, свидетельствуют найденные в интересующем нас регионе декор парадного оружия, некоторые типы копий, шпоры типа Лейна, удила с трехчастными грызлами, «воинские» ременные гарнитур.

В «воинской» культуре эстиев имеются и скандинавские по происхождению черты, например тисненый декор в германском первом зверином стиле на ножнах меча из погребения № 1 в уже упоминавшемся некрополе Варникам (рис. 8, 5), а также на обкладках сёдел из погребения № 4 в том же могильнике Варникам, в погребении № 36 могильника Шоссейное и в погребении № 335 могильника Митино. Этот декор имеет многочисленные параллели в Скандинавии (подробнее *Скворцов*, 2018. С. 166, 168; *Скворцов, Пеш*, 2018).

К числу показательных относятся копьё типа Казакявичюс II (рис. 8, 1), распространенные в самбийско-натынгийской культуре. Эти копьё для Прибалтики изучены В. Казакявичюсом. Он показал их широкое распространение по всей Восточной Прибалтике до Финляндии включительно, а также

в Скандинавии — на Готланде, в Швеции, Дании и Норвегии (*Казакявичюс*, 1988. С. 37–40). На территории самбийско-натынгийской культуры такие копьё представлены в ряде погребений начиная с ранней фазы эпохи переселения народов, таких как Доллькайм-Коврово, погребение № 253 начальной фазы переселения народов, с характерной пряжкой этого времени (*Кулаков*, 2007. С. 10), и существуют позднее. Подобные копьё есть на других балтских территориях, а также у прибалтийских финнов, народов лесной зоны России, скандинавов, франков, аламаннов и англосаксов (подробнее *Казанский*, 2008. С. 306; *Скворцов*, 2018. С. 171, 172), но их нет на юге.

Шпоры типа Лейна (*Giesler*, 1978), встречающиеся в Самбии в гуннское время (например, Варникам, Гребитен: *Кулаков*, 2010. Рис. 3, 4, 4, k, m) (рис. 7, 6, 7), также являются показательными с точки зрения влияний на воинскую культуру эстиев. Здесь хорошо представлен западный провинциально-римский вариант D, с крючком для крепления (*Giesler*, 1978. S. 2, 13, 48–52, № 86, 87. Taf. 9) (рис. 7, 6). Эти шпоры распространены в Британии, Галлии, на Рейне, в бассейне Эльбы, единичные находки в Паннии и Италии, Мазовии и Литве. Шпоры Лейна редко попадают в Восточную Европу (*Kazanski*, 1994b. P. 435). На могильнике Варникам / Первомайское в погребении № 31 (*Tischler, Kemke*, 1902. Taf. XVII, 3) найдены шпоры типа Лейна, которые можно отнести к восточноримскому варианту C (ср. *Giesler*, 1978. S. 11, 12, abb. 2) (рис. 7, 7), который, впрочем, хорошо известен в западноримских провинциях Паннонии и Норике, а также на Нижней Эльбе, на Рейне и в Британии (*Giesler*, 1978. S. 46–48, taf. 9).

Из предметов конного снаряжения надо назвать многочисленные для самбийско-натынгийской культуры трехчастные удила (рис. 7, 5), встречающиеся как у балтов и прибалтийских финнов, а так и у населения лесной зоны России, Беларуси и в Скандинавии, которые также не попадают на юг (подробнее *Казанский и др.*, 2018. С. 18–20).

Земланские/самбийские поясные гарнитур (рис. 7, 3, 4; 9, 1–8), то есть пряжки и

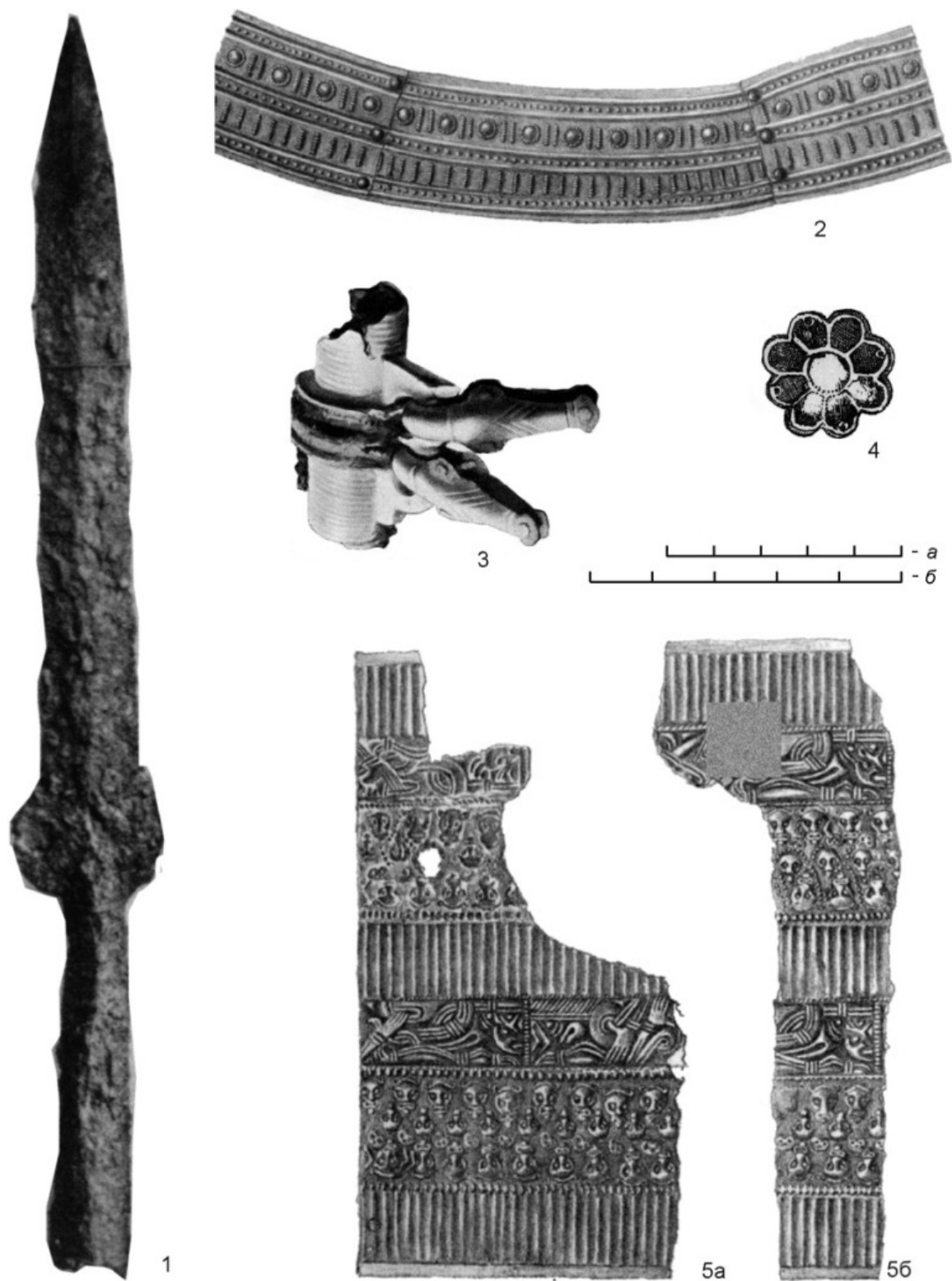

Рис. 8. Предметы из Варникам (Warnikam) / Первомайское, погребение № 1 (Hilberg, 2009. Abb. 9.6, 9.7, d, 9.10). 1 — железо; 2, 5 — серебро; 3 — позолоченная бронза; 4 — золото, гранаты. Масштаб: а — для 1; б — для 2-5

Fig. 8. Finds from Warnikam / Pervomayskoye, burial no. 1 (Hilberg, 2009. Abb. 9.6, 9.7, d, 9.10). 1 — iron; 2, 5 — silver; 3 — gilded bronze; 4 — gold, garnets. Scale:

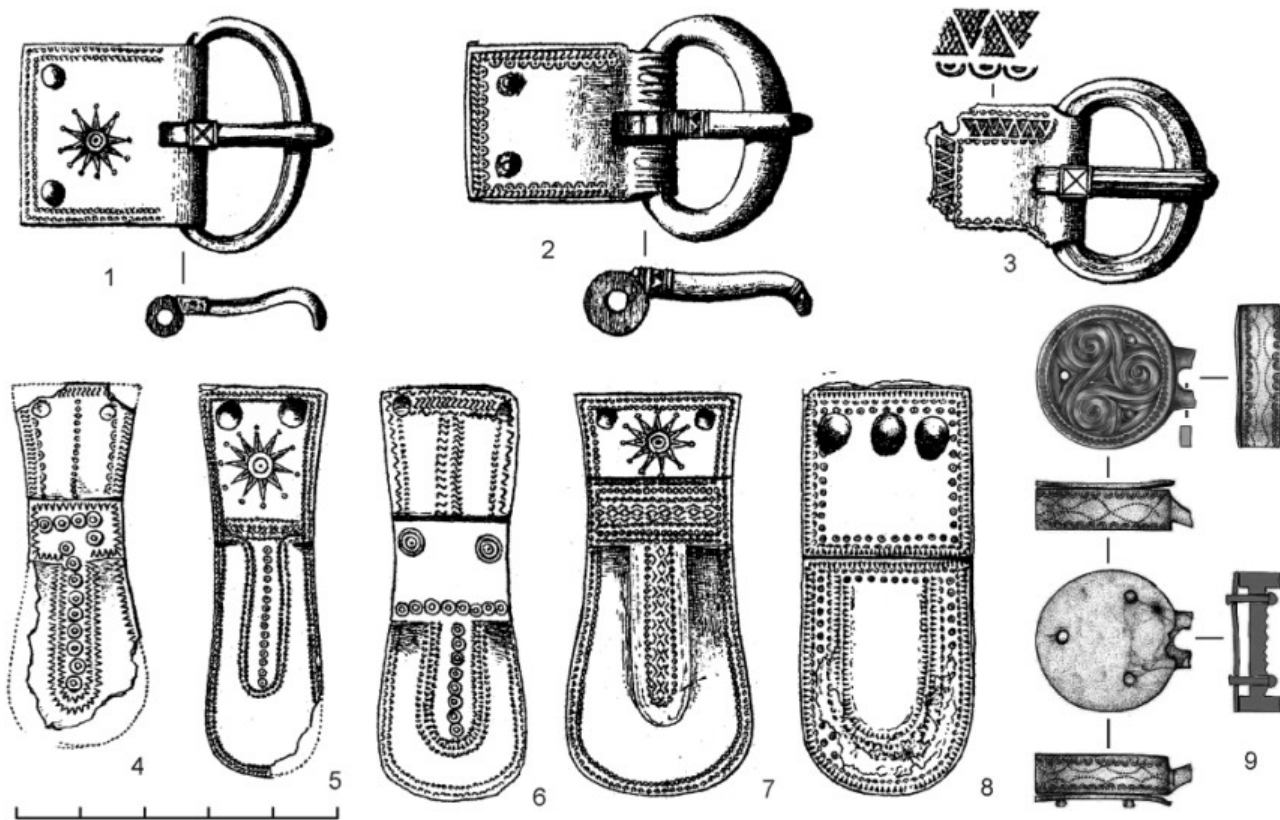

Рис. 9. Элементы поясной/ременной гарнитуры (1–8 — Tischler, Kemke, 1902. Taf. VI, 1–3, 5, 7, 16, 19, 20; 9 — Rudnicki, Skvorcov, 2015. Рис. 3): 1, 7 — Доллькайм (Dollkeim) /Коврово, погребение № 163; 2 — Грейбай (Greibau) 211; 3 — Варникам (Warnikam) /Первомайское, погребение № 30; 4 — Варникам (Warnikam) /Первомайское, погребение № 60; 5 — Доллькайм (Dollkeim) /Коврово, погребение № 161; 6 — Доллькайм (Dollkeim) /Коврово, погребение № 164; 8 — Доллькайм (Dollkeim) / Коврово, погребение № 140; 9 — Тимофеевка. 1–8 — бронза; 9 — позолоченное серебро

Fig. 9. Elements of belt sets (1–8 — Tischler, Kemke, 1902. Taf. VI, 1–3, 5, 7, 16, 19, 20; 9 — Rudnicki, Skvorcov, 2015. Рис. 3): 1, 7 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 163; 2 — Greibau 211; 3 — Warnikam / Pervomayskoye, burial no. 30; 4 — Warnikam / Pervomayskoye, burial no. 60; 5 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 161; 6 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 164; 8 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 140; 9 — Timofeyevka. 1–8 — bronze; 9 — gilded silver

наконечники с характерным гравированным декором, являются особенно показательными для «воинской» культуры Самбии и Натангии в гуннское время (Madyda-Legutko, 1986. S. 69, karte 35, AN38; Madyda-Legutko, 2011. S. 91–96, маpa 23; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 109–117; Кулаков, 2010. С. 117, 118). Уже давно гравированные вещи в балтийском регионе рассматриваются как доказательство влияния римских ателье, «римского военного стиля» и даже римских ветеранов (Strogaard, 2003. S. 123, 124; Кулаков, 2010. С. 118; историография вопроса: Bitner-Wróblewska, 2017.

P. 262; Quast, 2017. P. 280). Действительно, на западноримских поясах представлен декор, напоминающий узоры, известные на самбийских гарнитурах, например в виде звездочек (Böhme, 1974. Taf. 94, 13; 108, 3; 120, 11; 129, 5; Sommer, 1984. Taf. 40, 10; подробнее: Quast, 2017. P. 285–287). В то же время подобные пояса с гравированным декором отсутствуют на Дунае и на территории Восточной Римской империи, где, видимо, у солдат была иная мода. К эстиям западные пояса могли попасть через Северную Германию, где распространяются различные виды позднеримских пряжек

и наконечников с гравированным декором и их подражания (*Böhme*, 1974. Karte 15, 18; *Rau*, 2010. S. 279–303), и оттуда же в Юго-Восточную Прибалтику попадают и некоторые типы фибул (подробнее о них: *Казанский*, 2017).

Упомянем и элементы гарнитуры типа Шеруп (*Snartemo-Sjögurp*) несколько более позднего времени, второй половины V — начала VI в. Одна пластина этого типа найдена на городище Тимофеевка (бывш. *Kamsvikus*) в Надровии (рис. 9, 9), основная же масса предметов происходит из Южной Скандинавии, если не считать одну находку в Северной Эстонии (*Rudnicki, Skvorcov*, 2015).

Впрочем, как и в других регионах варварской Европы, культура воинских элит у эстиев в V — раннем VI в. содержала элементы самого разного происхождения. В этом смысле показательны удила в погребении № 1

могильника Варникам (рис. 8, 3), которые имеют выраженные дунайские параллели, в частности в знаменитом гепидском «княжеском» погребении Апахиды (*Apahida*) 2 в Трансильвании (*Hilberg*, 2009. S. 319–321; *Скворцов*, 2018. С. 172). В то же время держатели поводьев на этих удилах (*Скворцов*, 2018. Рис. 2, 7) очень напоминают аналогичные держатели на удилах из лангобардской «княжеской» могилы в Вескене (*Veskény*) в Западной Венгрии (*Bóna*, 1976. Pl. 77). Но при этом всё же не дунайские, а скорее скандинавские и, шире, «западные» влияния, на мой взгляд, сыграли решающую роль в формировании воинской культуры эстиев в V–VI вв. Видимо, столь излюбленные некоторыми исследователями «отягощенные золотом ветераны гуннских войн» в заметном количестве на территории эстиев так и не оказались.

Айбабин, 1979 — *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. Вып. 158: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. С. 22–34.

Амброз, 1966 — *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1966. 113 с. + 27 табл. (САИ; Д1–30).

Амброз, 1989 — *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.

Белявец, Сідаровіч, 2018 — *Белявец В., Сідаровіч В.* Алекшыцкі манетна-рэчавы скарб эпохі Вялікага перасялення народаў // Банкаўскі веснік. 2018. № 2. С. 2–16.

Гавритухин, Казанский, 2006 — *Гавритухин И. О., Казанский М. М.* Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V — VI в. // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. № 13. С. 297–344.

Гавритухин, Казанский, 2018 — *Гавритухин И. О., Казанский М. М.* О времени появления славян на территории Молдовы // Древности. Исследования. Проблемы: Сб. в честь 70-летия Н. П. Тельнова / Ред. В. А. Синика, Р. А. Рабинович. Кишенёв; Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко,

Высшая антропологическая школа, 2018. С. 333–354.

Засецкая, 1993 — *Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н. э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: КФУ, 1993. Вып. III. С. 23–105.

Казакявичюс, 1987 — *Казакявичюс В.* Находка двупластинчатой фибулы в Литве // СА. 1987. № 4. С. 264–266.

Казакявичюс, 1988 — *Казакявичюс В.* Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 158 с.

Казанский, 2008 — *Казанский М. М.* Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний Великого переселения народов / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 2008. С. 304–324.

Казанский, 2017 — *Казанский М. М.* Этии и Океан: о распространении некоторых типов фибул эпохи переселения народов и мерovingского времени // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 23. С. 265–273.

- Казанский, Мастыкова, 2013 — Казанский М. М., Мастыкова А. В. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 97–112.
- Казанский и др., 2018 — Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. 2018. 312 с.
- Кулаков, 1990 — Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 168 с. (САИ; Г1-9.)
- Кулаков, 2002 — Кулаков В. И. Эхо гуннских войн в Балтии // Гістарычна-Археалагічны Зборник. 2002. № 17. С. 101–116.
- Кулаков, 2007 — Кулаков В. И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т Истории НАН Беларуси, 2007. 335 с.
- Кулаков, 2010 — Кулаков В. И. Оружие горизонта Сесдала—Унтерзибенбрунн в Янтарном крае // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 112–143 (Раннеславянский мир; 13).
- Кулаков, 2014 — Кулаков В. И. Hünenberg — «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // *Barbaricum*. 2014. Vol. 10. С. 199–363.
- Лебедев, 2005 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Мажитов, 1968 — Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 162 с.
- Мастыкова, 2009 — Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Новаковский, 2007 — Новаковский В. Восточные пруссы как связующее звено между Восточной и Западной Европой: археологические свидетельства V–VIII вв. // *Merowingerzeit — Europe ohne Grenzen* / Hrsg. W. Menghin.. Berlin: Staatlicher Museen zu Berlin, Minerva, 2007. S. 145–155.
- Новаковски, 2013 — Новаковски В. Между Мазурским Поозерьем и Надровией: могильники эпохи Великого переселения народов на Средней Лаве // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов.. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 113–121.
- Приск Панийский, Готская история — Приск Панийский, Готская история // Латышев В. В. *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I: Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. С. 810–846.
- Скворцов, 2010 — Скворцов К. Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН, 2010. Т. 1. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 15.)
- Скворцов, 2018 — Скворцов К. Н. «Вождеские» погребения могильника Варникам — 141 год спустя // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 161–177.
- Скворцов, Пеш, 2018 — Скворцов К. Н., Пеш А. Серебряная оковка седла рубежа V–VI вв. из могильника Митино Калининградской обл. // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 199–219.
- Ушаков, 2010 — Ушаков С. В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох. Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III — середина VI в. н. э.). Опыт реконструкции. Донецк: Донбасс, 2010. 180 с. (Археологический альманах; № 23.)
- Фурасьев, 2009 — Фурасьев А. Г. Этнокультурные особенности населения Южного Крыма в VI — начале VII в. н. э. (по материалам женского костюма) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 190–235.
- Шкорпил, 1907 — Шкорпил В. В. Отчет о работе в Керчи в 1904 г. // Известия ИАК. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1907. Вып. 25. С. 1–66.
- Beljavec, 2018 — Beljavec V. O dwóch zapinkach cykadawatych z Białorusi // *Materiały do Archeologii Warmii i Mazur* / Red. S. Wadył, M. Karczewski, M. Hoffmann. T. 2. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. S. 237–251.
- Bierbrauer, 1968 — Bierbrauer V. Das westgotische Fibelpaar von Villafontana // *I ritrovamenti*

- barbarici nelle collezioni civiche veronesi del Museo di Castelvecchio / Ed. O. von Hessen. Verona: Museo di Castelvecchio, 1968. S. 75–82.
- Bierbrauer*, 1975 — *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano de Studi sull'Alto Medioevo, 1975. 368 p.
- Bierbrauer*, 1989 — *Bierbrauer V.* Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*. 1989. Bd. 72. S. 141–160.
- Bierbrauer*, 1991 — *Bierbrauer V.* Das Frauengrab von Castalbognese in der Romagna (Italien) — Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1991. Jg. 38. S. 541–592.
- Bierbrauer*, 2008 — *Bierbrauer V.* Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 2008. 129 S. 17 Abb., 32 Taf.
- Bitner-Wróblerwska*, 2001 — *Bitner-Wróblerwska A.* From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2001. 256 S.
- Bitner-Wróblerwska*, 2017 — *Bitner-Wróblerwska A.* Sösdala style -Sösdala horizon // *The Sösdala horsemen — and the equestrian elite of 5th century Europe* / Eds. C. Fabech, U. Näsman. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 257–271.
- Bliujienė*, 2011 — *Bliujienė A.* Northern Gold: Amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200). Leiden; Boston: Brill, 2011. 480 p.
- Bliujienė et al.*, 2017 — *Bliujienė A., Steponaitis V., Šatavičius E., Grižas G.* Concentration of Authority and Power in East Lithuania, between Tauragnas Lake and Middle Reaches of the Žeimena River during the Migration Period // *Estonian Journal of Archaeology*. 2017. 2½. P. 117–147.
- Böhme*, 1974 — *Böhme H.-W.* Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1974. 384 S.
- Bóna*, 1976 — *Bóna I.* A l'aube du Moyen Age. Gépidés et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest: Crovina, 1976. 120 S.
- Ciéśliński*, 2010 — *Ciéśliński A.* Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und oberer Drwęca. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 2010. 322 S.
- Dobos, Lăzărescu*, 2008 — *Dobos A., Lăzărescu V. A.* O fibulă inedită descoperită în raza localității Sic, jud. Cluj // *Angvstia, Arheologie*. 2008. 12. P. 177–186.
- Dyrda et al.*, 2014 — *Dyrda K., Kontny B., Mączyńska M.* Niezwykłe odkrycie grobu wojownika z wczesnego okresu wędrówek ludów w Juszkowie, gm. Pruszcz Gdański // *Honoratissimum assensus genus est armis laudare* / Eds. R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii, 2014. S. 111–134.
- Giesler*, 1978 — *Giesler U.* Jüngkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // *Sallburg-Jahrbuch*. 1978. Jg. 35. S. 5–56.
- Godłowski*, 1980 — *Godłowski K.* Zur Frange der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern // *Studien zur Sachsenforschung*. 1980. Bd. 2. S. 63–106.
- Heydeck*, 1909 — *Heydeck J.* Das Gräberfeld Waringen bei Medenau, Kr. Fischhausen // *Prussia*. 1904. Bd. 22. S. 224–238.
- Hilberg*, 2009 — *Hilberg V.* Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen dervölkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary. Bd 2. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009. 615 S. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums; Bd. 9).
- Kazanski*, 1984 — *Kazanski M.* A propos de quelques types de fibules ansées de l'époque des Grandes Invasions trouvées en Gaule // *Archéologie Médiévale*. 1984. Vol. XIV. P. 7–27.
- Kazanski*, 1994a — *Kazanski M.* Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. 1994. Vol. XXIV. P. 137–198.
- Kazanski*, 1994b — *Kazanski M.* Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. C. von Carnap-

- Bornheim. Lubin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar des Phillips-Universität Marburg, 1994. P. 429–485.
- Kazanski, Mastykova*, 2005 — *Kazanski M., Mastykova A.* Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des grandes migrations et au début de l'époque mérovingienne // *Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne / Coord. J. Plumier, M. Regnard. Namur: Ministère de la Région wallonne*, 2005. P. 115–132.
- Kazanski, Mastykova*, 2018 — *Kazanski M., Mastykova A.* La tombe de Hochfelden // *In Tempore Sueborum. El tiempo de los Suevos en la Gallaecia (411–585). Volumen de Estudios / Dir. J. López Quiroga. Ourense: Deputación Provincial de Ourense*, 2018. P. 109–114.
- Kiss*, 1984 — *Kiss A.* Über eine silbervergolete gepidische Schnalle aus dem 5. Jahrhundert von Ungarn // *Folia Archaeologica*. 1984. T. 35. S. 57–76.
- Koenig*, 1980 — *Koenig G. G.* Archäologische Zeugnisse westgotischer Präsenz im 5. Jahrhundert // *Madriider Mitteilungen*. 1980. Bd. 21. S. 220–247.
- Kokowski*, 1996 — *Kokowski A.* O tak zwanych blaszanych fibulach a pólokrągłą płytą i rombowałą nóżką // *Studia Gothica I / Red. A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej*, 1996. S. 153–184.
- Kontny, Mączyńska*, 2015 — *Kontny B., Mączyńska M.* Ein Kriegergrab aus der frühen Völkerwanderungszeit von Juszkowo in Nordpolen // *Dying Gods — Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation / Hrsg. C. Ruhmann, V. Brieske. Hannover; Stuttgart: Konrad Theiss*, 2015. S. 241–262.
- Kühn*, 1935 — *Kühn H.* Die Zikadenfibeln der Völkerwanderungszeit // *Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst*. 1935. S. 85–106.
- Mączyńska*, 2007 — *Mączyńska M.* Pommern in der Völkerwanderungszeit — 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski // *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav*, 2007. S. 147–171.
- Mączyńska*, 2009 — *Mączyńska M.* Trzy fibule cykadowate z kręgu bałtyjskiego // *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński im memoriam / Red. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa*, 2009. S. 393–404 (Seminarium bałtyjskie; T. II).
- Mączyńska*, 2013 — *Mączyńska M.* Die Goldfibel von Młoteczno (Hammersdorf), Kr. Braniewo in Nordostpolen // *Archaeologia Lituana*. 2013. T. 14. S. 181–198.
- Madyda-Legutko*, 1986 — *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: B.A.R., 1986. 233 S. (BAR, International Series; 360).
- Madyda-Legutko*, 2011 — *Madyda-Legutko R.* Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końców pasa. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2011. 312 S.
- Mănuclu Adameșteanu*, 1980 — *Mănuclu Adameșteanu M.* Un mormânt germani din necropola cetății Argamum // *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie*. 1980. Vol. 31–2. P. 311–320.
- Mitscha-Märheim*, 1971 — *Mitscha-Märheim H.* Frühgeschichtliche Kleinfunde aus Österreich in Verschiedenen Sammlungen // *Archaeologia Austriaca*. 1971. Bd. 50. S. 185–196.
- Nowakiewicz*, 2011 — *Nowakiewicz T.* (red.). Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2011. 639 S.
- Nowakowski*, 2000 — *Nowakowski W.* Die Olsztyn-Gruppe (Masurermanische Kultur) in der Völkerwanderungszeit. Das Problem ihrer chronologischen und territorialen Grenzen // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. M. Mączyńska, T. Grabarczyk. Łódź: Uniwersytet Łódzki*, 2000. S. 168–180.
- Prassolow*, 2018 — *Prassolow J. A.* Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreussens. Mainz: Akademie der Wissenschaften und Literatur, 2018. XXVI, 328 S., 206 Tf.
- Quast*, 2017 — *Quast D.* Sösdala in a western perspective // *The Sösdala horsemen — and the equestrian elite of 5th century Europe /*

- Eds. C. Fabech, U. Näsman. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 279–295.
- Rau, 2010 — Rau A. Nydam Mose 1. Die personengebundenen Gegenstände. Grabungen 1989–1999. Moesgård: Jysk Arkæologisk Selskab, 2010.
- Rudnicki, Skvorcov, 2015 — Rudnicki M., Skvorcov K. Znalezisko sprzączki typu Snartemo-Sjörup z Nadrowii 348 A Belt-Buckle type Snartemo-Sjörup from Nadrovia Region // Wiadomości Archeologiczne. 2015. T. LXVI. S. 348–353.
- Rudnicki, Skvorcov, 2017 — Rudnicki M., Skvorcov K. Nowe odkrycia zapinek płytkowych z Sambii i Natangii // Wiadomości archeologiczne. Warszawa, 2017. Vol. LXVIII. S. 302–310.
- Rudnicki, Skvorcov, 2018 — Rudnicki M., Skvorcov K. Nowe znalezisko zapinki cykadowatej z terenu Półwspu Sambijskiego // Studia barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin / Dir. B. Niezabitowska-Wisniewska et al. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2018. S. 380–391.
- Schulze-Dörrlamm, 1986 — Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts N. Chr. Aus den Gebieten westliche des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1986. Jg. 33. S. 593–720.
- Sommer, 1984 — Sommer M. Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 1984. 629 S.
- Strogaard, 2003 — Strogaard B. Kosmopolitische Aristokraten // Sieg und Triumph. Der Norden im Schatten des Römischen Reiches / Hrsg. Jørgensen et al. København: Nationalmuseet, 2003. S. 106–125.
- Szameit, 1997 — Szameit E. Ein völkerwanderungszeitliches Werkzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich. Ein Vorbericht // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesner, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 1997. S. 233–258.
- Tautavičius, 1981 — Tautavičius A. Taurapilio «kunigaikščio» kapas // Lietuvos Archeologija. 1981. T. 2. P. 18–42.
- Tejral, 1976 — Tejral J. Grundzüge der Völkerwanderungszeit in Mähren. Praha: Academia, 1976. 117 S. (Studie Archeologického Ústavu Akademie Věd ČR v Brně 4,2.)
- Tejral, 1986 — Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittlerer Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltica. T. VII. «Peregrinatio Gothica» / Hrsg. J. Kmiecinski. Łódź: Katedra archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1986. S. 175–238.
- Tejral, 2005 — Tejral J. Zur Unterschicherung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hrsg. W. Pohl, P. Erhart. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 103–200.
- Tejral, 2007 — Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im mitteldonaauraum aus der sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2007. S. 55–120.
- Tejral, 2011 — Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebieten zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie des Wissenschaften der Tschechische Republik Brno, 2011. 466 S.
- Tejral, 2015 — Tejral J. Zum Problem der Feinschmiedeproduktion im Mitteldonaauraum während des 5. Jahrhunderts nach Chr. // Památky archeologické. 2015. T. CVI. S. 291–362.
- Tischler, Kemke, 1902 — Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902. 46 S., XXX Tf.
- Vallet et al., 1995 — Vallet F., Kazanski M., De Pirey D. Eléments étrangers en Bourgogne dans la deuxième moitié du Ve siècle // Les Burgondes, apports de l'archéologie / Dir. H. Gaillard de Semainville. Dijon: Association pour la connaissance du Patrimoine de Bourgogne, 1995. P. 111–127.
- Vinski, 1974 — Vinski Z. Kasnoantički starojednosti u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. 1974. T. 69. S. 5–86.

Aestii and Attila: on the contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danube in the Hun and post-Hun time

M. M. Kazanskiy

This paper considers archaeological evidence for contacts between the population of the Sambia-Natangia culture (*Aestii* of the written sources) which occupied the territory of what is now Kaliningrad Oblast of Russia with the Middle Danubian region in the Hun and post-Hun periods (5th— mid-6th century). It is of note that there are altogether no imports from the South-East Baltic region at the Middle Danube during the Hun and post-Hun Age while Danubian artefacts are very rare in the territory of the Sambia-Natangia culture. These are two-plate finger-shaped brooches of the arbalest type representing cicadas, single buckles belonging to the Danubian tradition and related primarily with the costume of eastern Germans. Single grey-ware vessels originating from the Carpathian-Danubian region are also encountered. The small number of objects of this kind suggests an episodic character of contacts of the early Aestii with the Middle-Danubian region. At the same time, Danubian objects of the 5th–6th century are rather well represented among the southern, western and eastern neighbours of the people of the Sambia-Natangia culture: in the region of the Mazur Lakeland, in the basin of the Neman, on the Courland coast of the Baltics and near the mouth of the Vistula. In these territories, not only isolated elements of the Danubian decoration of the 5th — mid-6th century were found but also ‘ducal’ burials and hoards such as e.g. those from Hammersdorf-Młoteczno, Juszkowo and Taurapilas. This fact convincingly indicates the influence of the ‘princely’ Danubian culture upon the barbarians of the South-Eastern Baltic region. There is an impression that the Aestii of the Sambia-Natangia culture were ‘isolated’ by their neighbours and the contacts of the Baltic region with the Middle Danube area occurred to the east and west via the Neman and Vistula without penetrating the zone of the Sambia-Natangia culture to where Danubian imports were most often brought indirectly. The absence of any essential Danubian influence upon the Aestii is indicated also by their armament and military equipment, as well as the rider’s and horse outfit of the Great Migration period. Generally, the military culture of the Aestii in the Hun and post-Hun periods is tied rather with the circum-Baltic region and Northern and Central Germany than with the Middle Danube.